

ДВЕ ГИПОТЕЗЫ

АНАЛИЗ ГРУППЫ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗЕРКАЛ

Эрнст Владимирович ШАВКУНОВ,
доктор исторических наук, профессор

В последние годы в процессе раскопок средневековых памятников Дальнего Востока России и соседних с ним территорий обнаружено большое число бронзовых зеркал. Их анализ показал, что они содержат богатую информацию о прошлом населения данного региона. В этом отношении не составляет исключения группа зеркал, анализ которых позволяет выдвинуть две гипотезы относительно места нахождения одной из согдийских колоний в Читинской области и чжурчжэньского Цзиньчэна (Золотого Города) в Северо-Восточном Китае.

Первая из этих гипотез основывается на результатах изучения бронзового зеркала, хранящегося в фондах Читинского областного краеведческого музея под шифром ЧОМ-10515 (рис. 1). Это зеркало интересно тем, что на его тыльной стороне имеется обрамленная рельефной Г-образной полурамкой надпись, весьма напоминающая собой по начертанию авестийскую или согдийскую письменность. Прорисовка этой надписи (рис. 2) была в свое время показана доктору филологических наук В.А. Лившицу, который отметил, что в целом надпись похожа на согдийскую, но от дальнейших комментариев воздержался ввиду возможных погрешностей в ее прорисовке.

Зеркало обнаружено в с. Кути Приаргуньского района Читинской области на склоне оврага в 1974 г. учащимся Читинского ГПТУ-6 Василием Лысенко. Оно имеет вид диска диаметром 10,7 см, внешний край которого оконтурен тонким прямым бортиком, иначе ободком высотой 0,4 см, что характерно для многих среднеазиатских зеркал второй половины I тыс. н.э. В центре тыльной стороны зеркала находится держатель в форме петельки. Вся эта сторона зеркала разделена двумя окружностями из мелких перлов на три concentрически расположенные декоративные зоны: внешнюю, среднюю и центральную.

Основная семантическая нагрузка акцентирована на рисунке средней зоны, тогда как рисунки остальных двух зон играют вспомогательную роль. Все рисунки на зеркале выполнены в низком рельефе.

Итак, в средней зоне имеется изображение восьми всадников на конях, причем кони изображены лишь наполовину, т.е. у них отсутствует нижняя часть крупа вместе с ногами, благодаря чему создается иллюзия плывущих по воде животных. Всадники движутся против часовой стрелки. В одном месте между двумя всадниками помещена частично заходящая во внешнюю декоративную зону зеркала упомянутая выше надпись, содержащая скорее всего какое-то изречение или заклинание благожелательного характера.

Центральная зона зеркала полностью заполнена изображением колеса с одиннадцатью фигурными спицами и ободом в виде окружности из перлов. Роль оси колеса выполняет петельчатый держатель.

На внешней зоне зеркала вдоль его ободка помещены мелкие и потому плохо различимые изображения каких-то животных, птиц и растений. Еще одно такое же зеркало диаметром 12 см было найдено в Минусинской котловине, которое Е.И. Лубо-Лесниченко датирует XII—XIV вв. (11, с.103—104, рис.97). С такой датировкой трудно согласиться хотя бы по той причине, что в связи с арабскими завоеваниями в Средней Азии согдийская письменность к концу I тыс. н.э. полностью была вытеснена арабской. Кроме того, как уже отмечалось выше, ободки в виде тонких и сравнительно высоких бортиков были характерны для среднеазиатских зеркал второй половины I тыс. н.э.

О чем же могут свидетельствовать находки двух рассмотренных выше зеркал столь отдаленных друг от друга регионах нашей страны?

В свое время на основании анализа археологического материала из средневековых памятников Приморья мною сделан вывод о существовании наряду с Великим шелковым путем еще одной более северной торговой трассы, проторенной согдийцами, благодаря которой они получили доступ к обширному рынку народов Южной Сибири, Монголии, Забайкалья, Приамурья и Приморья. Опираясь на уже известные факты, был даже намечен примерный маршрут этой торговой трассы, названный мною Соболевой дорогой. Начинаясь она скорее всего в Семиречье, которое во второй половине I-го тысячелетия н.э. уже основательно заселили согдийцы, и через Южную Сибирь шла в Западную Монголию и дальше на восток к р. Селенге. Здесь по приказу уйгурского кагана Мююн-чура в 756 г. и с помощью согдийских строителей возвели Бай-Балык. Отсюда Соболяя дорога, надо полагать, поворачивала на юг к верховьям р. Толы, откуда недалеко уже было до верховьев Онона и Керулена. Здесь Соболяя дорога разветвлялась на два направления. Одно из них вело по Керулену к оз. Далай-Нор, а затем по Аргуни — к Амуру. Второе же направление шло по Онону в Забайкалье, где Онон сливается с Шилкой, которая, сливаясь с Аргунью, образует Амур. По Амуру согдийские суда достигали низовьев Сунгари и Уссури, а по этим рекам и их притокам — самых глубинных районов Северо-Восточного Китая, Приморья и Приамурья (27, с.146—155).

Как известно, вдоль торговых трасс согдийские купцы создавали сеть своеобразных колоний, т.е. поселений, в которых они могли отдохнуть, сменить вьючных животных или починить свои суда, пополнить запасы пищи, наконец, найти защиту от воинственных кочевников. Вместе с тем это были и торгово-ремесленные центры, куда местное население поставляло свою продукцию в обмен на изделия проживавших здесь согдийских ремесленников.

Одна из таких колоний VIII—X вв. обнаружена на территории Приморья вблизи г. Арсеньева (28, с.100—105). Данные китайских письменных источников позволяют предположить наличие согдийской колонии в районе слияния р. Муданьцзян с Сунгарью в Северо-Восточном Китае. Здесь в уезде Илань, как полагают китайские исследователи, находился древний город Угочэн (15, с.100), возможно, на месте городища Тучэнцзы (3, с.30). В переводе с китайского Угочэн дословно означает «Город пяти владений», или «Город пяти царств», что, судя по всему, является китайской калькой согдийского Пянджикента, означающего в переводе на русский язык «Пять городов», «Пять областей», «Пять владений». Не исключено, что согдийцы, основавшие здесь свою колонию, назвали ее так в память о своей далекой родине, а китайские летописцы перевели это название на свой язык.

Еще одна крупная колония согдийцев находилась в Инчжоу, т.е. на юге Северо-Восточного Китая (8, с.121).

В связи со сказанным небезынтересно отметить, что оба согдийских зеркала найдены в разных концах намеченного мною маршрута Соболевой дороги, т.е. в Южной Сибири и в Забайкалье, причем в последнем случае — в районе слияния Шилки с Аргунью, дающих начало Амуру. Учитывая выгодное стратегическое положение этого района, есть все основания полагать, что где-то здесь должны находиться остатки согдийской колонии, игравшей роль крупного перевалочного пункта, где формировались сухопутные и речные торговые

караваны. Вполне возможно, что именно в этом месте во второй половине VII в. н.э. останавливались в ожидании отправки вниз по Амуру очередного речного каравана многочисленные толпы приверженцев зороастризма. Спасаясь от насильственного обращения их арабами в мусульманство, они тысячами бежали из Ирана и Средней Азии на Дальний Восток, в том числе и на Японские острова, о чем лишь недавно стало известно из японских письменных источников (31, с.55—63).

С учетом рассмотренных выше фактов становится в какой-то мере понятным смысл рисунка на рассмотренных согдийских зеркалах. Прежде всего необходимо отметить, что, хотя всадники, а также сами по себе кони, колесницы и даже отдельно взятое колесо издревле служили своеобразными символами солнца (9, с.40; 19, с.89), рисунок на согдийских зеркалах за исключением колеса в центральной декоративной зоне вряд ли имеет связь с солярным культом. Это станет еще более очевидным, если вспомнить, что солнце перемещается по небосклону в направлении с востока на запад, т.е. по ходу часовой стрелки, тогда как всадники на зеркалах шествуют в противоположном направлении. Этим древний художник, очевидно, хотел подчеркнуть, что всадники несут самостоятельную от расположенного в центре зеркала колеса-солнца семантическую нагрузку, отражающую реалии земной жизни, в частности переправу конного каравана через реку.

В целом же рисунок на зеркалах можно предварительно расшифровать как пожелание благополучного прибытия торгового каравана в страны, где восходит солнце (в нижней части зеркала всадники движутся на восток), приобретения там продуктов животного и растительного происхождения, обозначенных в декоре внешней зоны зеркала, а затем удачного возвращения домой (в верхней части зеркала всадники следуют на запад, в сторону Средней Азии). И чтобы так было бесконечно, как бесконечно катится по небосводу колесо-солнце!

Что касается второй гипотезы, то она обусловлена своим появлением результатами анализа необычной разновидности регистрационных надписей на группе чжурчжэньских зеркал.

Как известно, среди чжурчжэньских бронзовых зеркал XII — начала XIII в. немало таких, у которых на ободке нередко встречаются выбитые зубильцем надписи на китайском языке. Это означает, что данные зеркала были зарегистрированы в соответствующих органах власти Чжурчжэньской империи, получив таким образом официальное разрешение на предмет их купли и продажи (6, с.112—113). Необходимость такой регистрации диктовалась острой нехваткой бронзы, в огромном количестве используемой государством для отливки монет. Дефицит бронзы приводил к резкому вздорожанию различных изделий из этого металла, так что население находило выгодным для себя переплавку монет на зеркала (21, с.354—1; с.112—113) или на другие предметы повседневного обихода, которые затем втридорога сбывались на черном рынке или вывозились контрабандой в соседнюю китайскую империю Южная Сун, где бронза стоила значительно дороже, чем в Чжурчжэньской империи (26, с.225). Чтобы воспрепятствовать росту нежелательных в результате этого последствий в экономике страны, чжурчжэньское правительство было вынуждено ввести «запрет на медь», что, по всей вероятности, произошло в 1157 г. (21, с.354; 6, с.112). В соответствии с введенным «запретом на медь» каждый житель империи с учетом его общественно-правового положения имел право владеть лишь определенным количеством бронзовой и медной утвари. В случае же наличия бронзовой утвари сверх установленной нормы излишки ее необходимо было в обязательном порядке сдать в казну. Лиц, нарушивших этот закон, приговаривали к каторжным работам, а то и к смертной казни (5, с.166; 7, с.39—40).

Регистрационные надписи на зеркалах состояли, как правило, из названия административного центра, в котором осуществлялась регистрация, наименования исполнительного органа власти, должности и фамилии регистрирующего чиновника, его подписи, причем чаще всего исполненной чжурчжэньс-

кой письменностью (6, с.108). Правда, далеко не всегда в регистрационных надписях присутствуют все перечисленные ее составные части. Встречаются, например, зеркала, регистрационная надпись на которых состоит лишь из наименования административного органа и должности чиновника. Но как бы там ни было, зеркала с регистрационными надписями нередко содержат весьма ценную информацию.

Примером сказанного служит группа обнаруженных в Северо-Восточном Китае, Приморье и Приамурье зеркал, общим для которых является наличие в регистрационных надписях названия административного центра Цзиньчэн, что в дословном переводе означает «Золотой Город». В Приморье такие зеркала обнаружены на Шайгинском и Ананьевском городищах (30, с.86—87, рис.6; 29, с.38—39); в Хабаровском крае — на средневековом поселении в устье р.Тунгуски (14, с.131, рис.6; 13, с.10, рис.4), в Северо-Восточном Китае — в провинциях Хэйлунцзян (23, с.49, рис.2) и Гирин (22, рис.31, 68, 69, 75, 101, 105, 107). Интерес к этим зеркалам вызван тем обстоятельством, что на двух из них имеется по две регистрационные надписи — случай, следует подчеркнуть, не имеющий себе прецедента.

Так, на зеркале из провинции Хэйлунцзян (23, с.49, рис.2) одна регистрационная надпись читается как «Шан цзин сюн юань» («Верхняя столица, полицейский совет»), а другая — как «Цзиньчэн сянь» («Уезд Цзиньчэн»). В конце каждой из этих надписей имеются разные подписи на чжурчжэньском языке регистрировавших зеркало чиновников. Полностью тождественные регистрационные надписи, включая и подписи чиновников, имеются и на зеркале из провинции Гирин (22, рис.31).

Следует отметить, что все зеркала, в регистрационных надписях которых упоминается Цзиньчэн, а таких зеркал известно уже 11, обнаружены на сравнительно компактной территории, включающей в себя Нижнее Приамурье, Приморье и соседние с ними провинции Хэйлунцзян и Гирин Северо-Восточного Китая. За пределами очерченного региона находки зеркал, зарегистрированных в Цзиньчэне, пока не известны (10, с.205—206). Этот факт, надо полагать, далеко не случаен и может служить в пользу того, что данные зеркала отлиты на территории Северо-Восточного Китая, где, судя по всему, и должен был находиться город под названием Цзиньчэн.

Однако такой вывод, казалось бы, противоречит данным письменных источников. Так, по свидетельству «Цзинь ши» во времена Золотой империи чжурчжэней (1115—1234 гг.) город Цзиньчэн находился в округе Инчжоу (21, с.195-1), т.е. на севере современной провинции Шаньси. На территории этой же провинции город Цзиньчэн в качестве административного центра округа Инчжоу существовал и в Х в. (4, с.60—63, с.374, прим. 22). Не исключено, что в обоих случаях речь идет об одном и том же городе. Цзиньчэн в качестве центра округа Сихай существовал и при династии Ранняя Хань (206 г. до н.э. — 8 г. н.э.). Находился он к северо-востоку от озера Цинхай и к юго-западу от современного г. Гаолань провинции Ганьсу (16, с.415, прим. 60, с.333, прим. 8). Столица сяньбийского государства Западная Цинь (385—431 гг.) тоже носила название Цзиньчэн (12, с.142, прим.168). Во времена китайской династии Суй (589—619 гг.) Цзиньчэн — один из административных центров, который при династии Тан (618—907 гг.) был переименован в Ланьчжоу (12, с.212, с.226, прим.376, с.227, прим. 382), тогда как название Цзиньчэн было перенесено на один из городов, находившихся к северо-востоку от современного г. Гаолань провинции Ганьсу (12, с.224, прим. 370).

Как нетрудно заметить, Цзиньчэн — довольно распространенное в средневека название, которое присваивалось, причем иногда почти в одно и то же время, различным населенным пунктам на территории современных провинций Ганьсу и Шаньси. Вполне допустимо поэтому, что помимо провинции Шаньси в пределах границ Чжурчжэньской империи, в частности на территории Северо-Восточного Китая, мог быть еще один Цзиньчэн, время существования которых всего не совпадает.

Какие же имеются основания для такого предположения?

Прежде всего, это беспрецедентный случай наличия на зеркалах из провинций Гири и Хэйлуунцзян сразу двух регистрационных надписей. Дело в том, что с введением запрета на медь изделия из бронзы должны были пройти обязательную регистрацию в каком-нибудь административно-территориальном органе власти лишь один раз (23, с.49; 6, с.108—111). Следовательно, наличие на указанных зеркалах двух регистрационных надписей следует объяснять не просто как результат повторной регистрации, а как нечто совсем иное, вызванное какими-то особыми на то обстоятельствами.

Чтобы получить ответ на вопрос о том, что может скрываться под двойной регистрацией зеркал, следует проанализировать имеющиеся данные о Шанцзине, название которого фигурирует на указанных выше зеркалах.

Шанцзин, или дословно Верхняя столица, каковой она стала в 1138 г. и была учреждена на месте Хойнинфу — главной ставки первого чжурчжэньского императора (Тай-цзу). Остатки этого древнего города под современным названием Байчэн находятся вблизи г. Ачэн на берегу р.Ашихэ (древнее ее название Аньчуху) в 30 км к востоку от Харбина (17, с.19; 18, с.1; 1, с.162, 414 № 2, с.73—74). Согласно В.Я. Толмачеву городище Байчэн имеет площадь около 6,65 кв.км и состоит из двух почти равных частей — северной и южной, отгороженных друг от друга земляным валом. В южной части городища имеется большой холм, где, как предполагается, находятся остатки императорского дворца (17, с.21—23).

С восшествием в результате кровавого переворота в 1149 г. на престол императора Дигуая (Хайлин-вана) последний, стремясь подорвать социально-экономическую и политическую базу многочисленных сторонников свергнутого им императора Хэла (Си-цзуна) и опасаясь с их стороны заговора, приказал в 1153 г. перевести свою резиденцию из Шанцзина в Яньцзин (современный Пекин), а в 1154 г. лишил Шанцзин статуса столицы. Наряду с этим он отменил название Хойнинфу (21, с.188-9). А в 1157 г. Дигуай приказал уничтожить в Хойнинфу дворцы, храмы и дома знатных семей, а занимаемую ими землю распахать и засеять (21, с.36).

Как уже отмечалось выше, в том же 1157 г. был введен и запрет на медь. Следовательно, рассматриваемые зеркала с двойной регистрацией могли быть зарегистрированы в Шанцзине только после его восстановления в 1173 г. в прежнем статусе Верхней столицы, так как до упразднения Дигуаем в 1154 г. Верхней столицы, т.е. Шанцзина, зеркала еще не подвергались обязательной регистрации при их изготовлении. Все эти факты позволяют объяснить наличие на рассматриваемых зеркалах двух регистрационных надписей, в которых упоминаются как Цзиньчэн, так и Шанцзин. Так, Дигуай, стремясь уничтожить всякую память о своих царственных предшественниках, не только упразднил Верхнюю столицу, располагавшуюся в южной части Хойнинфу, и уничтожил все находившиеся там строения, но наряду с этим запретил употреблять само название города. А поскольку северная часть этого города, где проживали торговцы, мелкие чиновники, ремесленники и земледельцы, не была уничтожена, Дигуай, судя по всему, переименовал ее в Цзиньчэн. Этим актом Дигуай низвел Хойнинфу в разряд уездного городка, о чем можно судить по наличию в новом его названии термина «чэн», означавшего административно-территориальную единицу ниже уезда (1, с.162).

Учитывая изложенное выше, можно сделать следующий вывод. Вскоре после отливки рассматриваемые зеркала были зарегистрированы в Цзиньчэне, как, по всей вероятности, с 1153 и по 1173 гг. назывался Хойнинфу. Скорее всего регистрация этих зеркал была осуществлена в 1173 г., но не успели они поступить в продажу, как вышел указ сменившего Дигуая императора Улу о восстановлении Верхней столицы, т.е. Шанцзина, и об упразднении названия Цзиньчэн. Это вынудило чиновников нанести на зеркала вторую регистрационную надпись, но на этот раз содержащую уже название Шанцзина как места их регистрации. При этом вполне допустимо, что по приказу Улу название Цзиньчэн было перенесено на один из городов на территории современной

пров. Шаньси, упоминание о котором, как уже отмечалось выше, имеется в «Цзинь ши».

Но почему, спрашивается, Дигунай при переименовании Хойнинфу выбрал для него название Цзиньчэн — Золотой Город?

Ответ на этот вопрос нетрудно будет найти, если принять во внимание то обстоятельство, что Хойнинфу находился на берегу р. Аньчуху, название которой, как свидетельствуют письменные источники, в переводе с чжурчжэньского языка означает «Золотая», тогда как земли, входившие в состав этой обширной области, включавшей в себя и южную часть Приморья, назывались Цзиньюань (21, с.188-9; 24, с.538, 593), т.е. Истоки Золотой [империи]. Все это наводит на мысль, что при переименовании Хойнинфу Дигунай решил присвоить ему название Цзинь (Золотой) по имени реки и окрестной местности. Добавив же к этому названию слово чэн (город), он тем самым низвел Хойнинфу, где до этого располагалась Верхняя столица, до уровня заштатного уездного центра. А поскольку эта акция была осуществлена ненавистным всем узурпатором, незаконно воссевшим на трон, то она не нашла отражения в официальной историографии того времени, но зато дала о себе знать в виде регистрационных надписей на перечисленных выше зеркалах, ареал находок которых, если не считать зеркала из Приамурья, приходится на территорию Цзиньюань, считавшуюся исконно чжурчжэньской землей.

В заключение остается выразить надежду, что по мере выявления в ходе дальнейших археологических исследований новых фактов выдвинутые в данной статье гипотезы получат свое окончательное решение.

1. Воробьев М.В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. — 1234 г.): Ист. очерк. М., 1975.
2. Воробьев М.В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. — 1234 г.). М., 1983.
3. Дянь Хуаша, Сунь Сюжэнь. Муданьцзян чжун ся ю какогу дяоча цзяньбао (Краткий очерк об археологической разведке в среднем и нижнем течении р. Муданьцзян) // Каогу. 1960. № 4. С.23—30. Кит. яз.
4. Е Лунли. История государства киданей (Цидань го чжи). М., 1979.
5. Иванов А.И. Бумажное обращение в Китае до XV в. // Материалы по этнографии России. СПб., 1914. Т.2. С.159—174.
6. Ивлиев А.Л. О надписях на бортиках средневековых бронзовых зеркал // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978. С.104—117.
7. Ивочкина Н.В. Медь в денежном обращении чжурчжэньского государства Цзинь (1115—1234 гг.) // Тр. Государственного Эрмитажа. Л., 1971. Т.12. С.37—48.
8. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
9. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье: (История и культура). М., 1977. С.28—52.
10. Кун Сянсин, Лю Имань. Чжунго гудай тун цзин (Китайские древние бронзовые зеркала). Бэйцзин: Вэнь чубаньшэ, 1988. Кит. яз.
11. Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопр. о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975.
12. Малавкин А.Г. Историческая география Центральной Азии: (Материалы и исследования). Новосибирск, 1981.
13. Медведев В.Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия: Чжурчжэньская эпоха. Новосибирск, 1986.
14. Окладников А.П., Медведев В.Е. Чжурчжэньское поселение в устье Тунгуски // Археологический поиск: (Северная Азия). Новосибирск, 1980. С.125—136.
15. Сунь Сюжэнь, Гань Чжигэнь. Лунь Ляо дай уго бу цзи ци учжи вэньхуа тэжэнь. Ляо дай уго бу вэньхуа лэйсин дэ тичу юй няньцзю (О племенах уго эпохи Ляо и об особенностях их материальной культуры. Выделение и изучение культуры племен уго эпохи Ляо) // Дунбэй каогу юй лиши. Бэйцзин, 1982. С.95—103. Кит. яз.
16. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М., 1984.
17. Толмачев В.Я. Древности Маньчжурии: Развалины Бэйчэна. По данным археологических разведок 1923—1924 гг. // Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1925. Сер. А, № 1—2, вып.9.
18. Толмачев В.Я. Бай-чэн // Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1927. № 3. С.1—8.
19. Тюляев С.И. Искусство Индии. III тысячелетие до н.ээ — VII век н.э. М., 1988.

20. Цзилинь Лишу сянь Пяньлян чэн чжи дяоча цзи (Об исследовании остатков городища Пяньлян в уезде Лишу провинции Гиринь) // Каогу тунсюнь. 1958. № 3. С.26—31. Кит. яз.
21. Цзинь ши (История империи Цзинь). Т.1. Тайбэй, 1970. Прил. 37 с., карты. Кит.яз.
22. Чжан Ин. Цзилинь чуту тун цзин (Находки бронзовых зеркал в провинции Гиринь), Бэйцзин: Вэньу чубаньшэ, 1990. Кит. яз.
23. Чжан Ляньфэн, Янь Цзинцюань. Дуй Цзинь дай шуан ли тун цзин мин вэнь ды идянь бучун (Кое-что в дополнение о надписи эпохи Цзинь на бронзовом зеркале с двумя карпами) // Вэньу. 1980. № 7. С.49. Кит. яз.
24. Юйвэнь Маочжао. Цзинь го чжи цзяочжэн (Сверенное издание «Описания государства Великая Цзинь»). Т.2. Бэйцзин: Чжунхуа шуцзуй, 1986. Кит.яз.
25. Шавкунов Э.В. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л., 1968.
26. Шавкунов Э.В. О стоимости зеркал у чжурчжэней // Древний и средневековый Восток. М., 1985. Ч.1. С.224—235; Шавкунов Э.В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчжэней // Проблемы древних культур Сибири: (Сб. науч. статей). Новосибирск, 1985. С.146—155.
27. Шавкунов Э.В. Согдийско-иранские элементы в культуре бохайцев и чжурчжэней // Проблемы древних культур Сибири: (Сб. науч. статей). Новосибирск, 1985. С. 146—155.
28. Шавкунов Э.В. Согдийская колония VIII—X веков в Приморье // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: Сб. науч. трудов. Владивосток, 1988. С.100—105.
29. Шавкунов Э.В. Тайны древних зеркал. Владивосток, 1993.
30. Шавкунов Э.В., Конькова Л.В., Хорев В.А. Бронзовые зеркала Ананьевского городища // Вопросы археологии Дальнего Востока СССР: Сб. науч. трудов. Владивосток, 1987. С.80—95.
31. Gikyo Ito. Zoroastrians Arrival in Japan (Pahlavica I) // Orient. Vol. XV. Tokyo, 1979. P.55—63.

Рис. 1. Бронзовое зеркало из Читинского областного музея.

Рис. 2. Прорисовка надписи на зеркале.

SUMMARY. The author of the article «Two Hypotheses», Professor, Doctor of Historical Sciences Ernest Shavkunov on the base of the analysis of a number of Mediaeval bronze mirrors suggests two hypotheses concerning the supposed place of one of Sogdoi colonies in Chitinskaya oblast and the Jurchen Chingcheng (the Gold City) in North East China.

The first hypotheses is based on the results of studying bronze mirror which is placed in the funds of Chita Regional Museum. It was discovered by the pupils of the technical college.

The second hypotheses is based on the analysis of unusual variety of registration instructions on some Jurchen mirrors.

Scholar expresses hope that the course of the further investigations of new facts these hypotheses will result in final decision of the problem.